

СПЕЦИФИКА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ДИСКУРСА ГЕРМАНИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ТВОРЧЕСТВА ГАНСА САКСА (СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

На основе трех источников («Декамерон» Джованни Боккаччо, «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера и шванки нюрнбергского мастерзангера Ганса Сакса) сравниваются особенности отношения к богатству и видам трудовой деятельности в Италии, Англии и Германии; большое внимание уделяется анализу роли женщины в экономической жизни этих обществ.

Ключевые слова: Ренессанс; Северное Возрождение; богатство; гендерная история.

Начиная с XVII в. развитие Европы идет все ускоряющимися темпами, и разительные перемены, происходящие за время жизни одного или нескольких поколений, меняют облик западной цивилизации. По словам В.М. Ракова, произошло то, что составило основу «европейского чуда»: родилась новая Европа – первая из всех цивилизаций перешагнувшая порог традиционности [1. С. 6].

Национальная специфика европейских стран определила особенности развития в них гуманистических тенденций, поэтому Северное Возрождение (т.е. реализация ренессансных тенденций в странах «севернее Альп») в силу его многообразия сложно рассматривать как единый феномен, противостоящий итальянскому Ренессансу. Культурные особенности каждой страны и условия исторического момента задавали различные направления развития гуманизма. Таким образом, испанское Возрождение имеет очень мало общего с Возрождением в Германии, хотя они объединены общим термином «Северное Возрождение». Даже в таких, казалось бы, близких странах, как Англия и Франция, развитие гуманизма шло различными путями. Однако необходимо отметить, что в Нидерландах, Швейцарии и Германии Ренессанс приобрел схожие черты, и некоторые исследователи, в первую очередь Отто Бенеш в своей книге «Искусство Северного Возрождения», именно этот регион выделяют как классическое Северное Возрождение. Но даже здесь, при всем, казалось бы, сходстве, отчетливо проявляются специфические германские черты – прежде всего морализаторские и дидактические тенденции, а также большой пласт бюргерских ценностей. Все исследователи констатируют эти особенности, однако их природа практически никогда не анализируется.

Цель данной статьи – проанализировать, как проявляется национальная специфика и национальный менталитет в рамках социокультурного пространства эпохи Возрождения, а также выявить причины этого своеобразия. Несмотря на региональные различия, Возрождение имело немало черт, которые позволяют считать его единым культурным феноменом. Одним из таких признаков является внимание к человеку, к его повседневной жизни. В этом смысле новеллы Боккаччо, французские фавлю и немецкие шванки, – явления одного порядка. Подобное смещение культурных акцентов с божественного на человеческое, с отвлеченного на конкретное, или, как выразился Ж. Ле Гофф, «спускание с небес на землю», было вовсе не случайным.

Эпохе Возрождения предшествовал экономический подъем, знаменовавший собой зарождение капитализма. Разумеется, становление новых экономических

реалий и формирование новой культурной ситуации – явления, напрямую не связанные, однако их опосредованная взаимосвязь очевидна. Капиталистический уклад приводил к изменению социальной структуры общества, усиливая значимость отдельного человека и его способности добиться успеха своими силами. В Италии, где товарно-денежные отношения были наиболее развиты, тенденции духовного обновления дали свои плоды гораздо раньше, чем в других европейских странах. Следует отметить, что в искусстве Нидерландов, страны, где торговля играла значительную роль, достаточно рано проявились черты, схожие с итальянскими, которые лишь отчасти объясняются тесными контактами с Италией.

Точно так же в Германии, где культура Возрождения дала о себе знать спустя два века, духовно-интеллектуальный подъем был обеспечен экономическими успехами, в частности в горном деле. Несомненно, что развитие этой отрасли экономики в Германии было одним из самых динамичных в Европе. И при всем отставании Германии от стран – лидеров экономической инновации это приводило к вовлечению людей в отношения, свойственные уже не феодальному, а капиталистическому хозяйству, и развивало систему ценностных ориентаций, которую Макс Вебер назвал «духом капитализма».

В свете этого рассмотрим преломление специфики экономического и социального развития в менталитете ряда европейских народов и в текстах соответствующих культур. Для анализа нами выбраны три источника: «Декамерон» Джованни Боккаччо (1313–1375), «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера (1343–1400) и шванки нюрнбергского мастерзангера Ганса Сакса (1494–1576). И хотя разница во времени между Боккаччо и Чосером и Гансом Саксом довольно значительна, она не является препятствием для планируемого сравнения. Несмотря на то что в Италии XIV в. ранний капитализм уже утвердился, в Англии уверенно развивался, а в Германии XVI в. только-только вставал на ноги, тенденции экономического и социального развития были общими и так или иначе были направлены на труд и обогащение.

На первый взгляд, различия в воззрениях Боккаччо, Чосера и Сакса можно объяснить разницей в их социальном положении. Джованни Боккаччо, сын богатого негодянта, отказался от занятия торговлей, изучал каноническое право в университете, служил при дворе неаполитанского короля, после возвращения во Флоренцию выполнял дипломатические поручения. Джеффри Чосер, лично знакомый с Боккаччо, также был сыном преуспевающего винооторговца, поставщика коро-

левского двора. Точно так же Чосер предпочел карьеру при дворе, став пажом принцессы Елизаветы, в качестве дипломата дважды посещал Италию. Ганс Сакс был сыном простого ремесленника и, хотя его шванки были популярны по всей Германии, в элиту общества никогда не входил.

Однако различия лежат и на более глубоком уровне, в менталитете итальянцев, англичан и немцев, который сформировался под влиянием конкретных исторических условий. Огрубляя, можно сказать, что итальянская экономика была в большей степени ориентирована на куплю-продажу, в которой нередко агентами торгового поля выступали люди, принадлежавшие к аноблированным слоям, немецкая, как правило, основывалась на мелком производстве, английская же выгодно сочетала и торговлю, и производство, не связанное жесткими рамками цеховых регламентов и недостатком средств для развития.

Эти специфические черты опосредованно, через ментальные особенности психосоциальной идентичности, наложили отпечаток и на трансформацию ценностных предпочтений рассматриваемых авторов. Более выраженное разделение труда в Англии, отразившееся в относительно гармоничном социальном стратифицировании, прослеживается уже в «Общем прологе» «Кентерберийских рассказов». Чосер описывает паломников, направляющихся в Кентерберии, их социальный статус и занятия. И в тексте находится равное место и аристократу, и богатому купцу, и цеховым мастерам, и ткачихе, и юристу.

Специфика итальянской экономики явно сказалась на отношении Боккаччо к ремеслу и торговле. Историческое развитие Италии привело к тому, что пропасть между аристократией и буржуазией, весьма значимая в других европейских странах, здесь, по сути, отсутствовала. Для итальянского гуманиста торговля является вполне достойным занятием для благородного человека, что совершенно неприемлемо для германского рыцарства, которое даже младших сыновей, не наследовавших семейной собственности, неохотно отдавало в университеты. Для этого сословия о столь постыдном занятии, как торговля, не могло быть и речи. Но Ганс Сакс принадлежал к бюргерскому сословию и к торговле относился с уважением. В «Похвальном слове городу Нюрнбергу» он отметил: «Иные заняты торговлей. И бойко их идут дела» [2. С. 193].

Однако в шванках Сакса, как и в шванках вообще, очень редки сюжеты, где фигурируют крупные негодяны, несмотря на то что крупнейшие финансовые корпорации вроде Вельзеров или Фуггеров происходили как раз из Германии, да и Ганза, пусть пришедшая в упадок к XVI в., в свое время была значительным игроком в международной торговле. Возможно, в результате ориентации на внешние рынки и оптовую торговлю деятельность крупных корпораций в меньшей степени затрагивала самих немцев и, соответственно, не отражалась ни в народном сознании, ни в творчестве. И, кроме того, как уже было сказано, экономика Германии была ориентирована больше на ремесло, чем на торговлю, немецкие бюргеры не были склонны к рискованным коммерческим операциям. На наш взгляд, причина этого кроется в особенностях развития германско-

го крестьянства. Установка на упорный труд, чрезмерно акцентированная в силу ряда природных и социальных факторов, дополнялась страхом перед возможными потерями. Немецкий крестьянин был беднее, чем английский или французский, и прилагал больше усилий для того, чтобы прокормить себя, поэтому он скорее продолжит свой тяжелый, кропотливый, менее прибыльный, зато дающий гарантированный – пусть и небольшой – достаток, труд, чем рискнет имуществом, которое досталось ему такой дорогой ценой. К тому же у немецких крестьян объективно было меньше возможностей для предприятий, выходящих за пределы их привычных дел, чем, скажем, для итальянцев.

Бюргеры, которых от крестьян отделяло всего два-три поколения (например, Лютер был внуком крестьянина), с трудом изживали эти страхи. Ситуация усугублялась постоянным притоком избыточного деревенского населения, которое усваивало новые установки довольно быстро («воздух города делает человека свободным»), однако для них этот процесс проходил сложнее, нежели для потомственных горожан. Наконец, нельзя забывать, что в силу слабости здесь античного уклада во всех его проявлениях сознание немца было гораздо более авторитарным. Это сказывалось и на жесткости отношения к торговле, и на более акцентированном понимании наживы лишь как результата честной деятельности.

Таким образом, в силу целого ряда причин Германия отставала от стран центра, что не могло не сказаться на ценностном восприятии бюргера; это выявляют тексты Ганса Сакса при сопоставлении их с новеллами Боккаччо. В Италии благородное сословие в силу специфики развития не чуралось торговых занятий, и неудивительно, что дамы и юноши в знаменитом тексте, называемом энциклопедией жизни той эпохи, развлекают друг друга не рыцарскими балладами, а рассказами о торговцах. Но Боккаччо, при всем пиетете к торговле, фактически не замечает ремесла.

Хотя исследователи говорят о демократизме Боккаччо, демократизм этот весьма своеобразен и определяется отношением автора к богатству. Людям, достаток которых ниже определенного уровня, он отказывает в качествах, не зависящих от социального статуса. Так, Боккаччо полагает, что красивые женщины рождаются в богатых семьях, среди бедняков привлекательность – исключение. Он снисходителен к адюльтеру у женщин из обеспеченных слоев, поскольку в условиях праздности любовная тоска терзает сильнее, тогда как женщина бедная должна трудиться в поте лица, и для нее измена супружескому долгу – грех гораздо больший. Единственный в «Декамероне» пример благородной бедности – дворянин, растративший состояние в попытках завоевать расположение дамы сердца [5. С. 376–381].

Можно предположить, что подобные взгляды объясняются тем, что для Боккаччо приобретение если не богатства, то определенного достатка является делом, возможным для каждого человека. Другими словами, бедность для него – вина самого бедняка, который либо ленив, либо глуп и не способен воспользоваться имеющимися возможностями. В пользу этого вывода говорит описание чумы во Флоренции, в котором Бок-

качко сетует на то, что люди забросили свои дела и их хозяйство приходит в упадок, хотя было бы логично предположить, что эпидемия не способствует росту предпринимательской активности. Кроме того, в ментальности горожан долгое время существовал «непреклонный закон» очарования аристократическим статусом, который дополнялся презрением к низам (это выразилось, например, в насмешках над крестьянами). И если для немецкого бюргера аноблирование было чрезвычайно сложным, то итальянскому горожанину было проще стать на одну ногу с нобилем, отсюда и соответствующий взгляд на бедность.

При этом автора «Декамерона» не слишком интересует, каким путем нажито богатство: честной торговлей, махинациями или даже ограблением могилы епископа. Ценности честной наживы как идеальной нормы, укоренившиеся в менталитете германского бюргера, на итальянской почве не имеют актуальной значимости. Например, несмотря на явные нападки на монашество, способность с помощью обмана и махинаций заполучить деньги доверчивых прихожан не вызывает у Боккаччо праведного негодования. Так, некий каноник, сумевший вывернуться из западни, подстроенной ему местными шутиками, и вопреки всему обдурить паству, вызывает у него явную симпатию [5. С. 412].

Совершенно иная картина предстает перед нами в немецких шванках. По меньшей мере сомнительным представляется не только нечестно нажитое богатство, но даже просто деньги, не заработанные собственным трудом. И это отношение отразил Ганс Сакс в шванке «Бедный сапожник и богатый жадный бюргер». Не сумев распорядиться подаренной сотней гульденов, герой шванка предпочитает их возвратить: «Богатство видно тяжело. Одно мученье принесло» [2. С. 270].

Однако взгляды Ганса Сакса в сравнении с общенемецкой тенденцией значительно смягчены, в его шванках не столь выражены морализаторские интонации, характерные для национальной ментальности его общества. В шванке «Портной и его флаг» герой, потихоньку приворовывавший ткани клиентов, после раскаяния во время болезни прощен Господом, который также смотрел сквозь пальцы на то, что после выздоровления портной вернулся к своим привычкам. Однако сам портной подобной снисходительностью не отличался и покарал женщину, крадущую белье у бедной соседки. Бог укоряет его за такую жестокость. На этом примере видно, что в мировоззрении Ганса Сакса имеются черты, более близкие к итальянскому плутовству, нежели к немецкой честности. Но в этом случае исключение подтверждает правило. Нюрнберг XVI в. являл собой уникальное явление в силу тесных экономических и культурных связей с Италией. Итальянские купцы, в общем-то презиравшие Германию и снисходительно глядевшие на своих немецких партнеров, говорили, что «вся Германия слепа, и только Нюрнберг видит одним глазом». В свою очередь магистрат старался подчеркнуть близость к Италии: в «Похвальном слове городу Нюрнбергу» Ганс Сакс упоминает «дома на фряжский лад». Логично предположить, что связи с Италией, активная внутригородская торговля и соответственно иной психологический опыт оказывали на нюрнбержцев существенное влияние. И хотя нельзя

сказать, что Ганс Сакс оправдывает воровство и ловкачество, он относится к нему более снисходительно, чем авторы анонимных шванков на севере и востоке Германии.

На наш взгляд, наиболее ярко специфика итальянского, английского и немецкого менталитетов отразилась в отношении к женщине, поскольку этот аспект культуры является тонким барометром состояния самого общества. По словам классика, по степени свободы женщины можно судить о свободе общества. Сакс уделял гендерной теме достаточно много внимания, небольшая часть его шванков посвящена взаимоотношениям супругов. Для него жена – незаменимый помощник, хранительница очага, которая не только ведет хозяйство, но и может помочь мужу в мастерской или лавке, а в случае, если муж оказывается лентяем, работающая жена позаботится о нем. В шванке «Сапожник растягивает кожу зубами» жена сапожника говорит, что ей неприятен запах изо рта мужа. Супруг поступает, можно сказать, куртуазно и прекращает растягивать кожу зубами, от чего и были те признаки, которыми недовольна жена. Но это сказывается на бюджете семьи и супруга отказывается от своих требований и предлагает свою помощь в мастерской [2. С. 392].

Тема жен-растратчиц, мотовщиц и распутниц достаточно популярна в народной литературе этой эпохи. Агрессия по отношению к женщинам отражает психосоциальную напряженность мужской половины общества, тяготы и страхи, связанные со становлением нового экономического уклада. Однако у Сакса женщина нередко выступает голосом разума. Служанка отказывает подмастерью, который ей, судя по всему, симпатичен, перечисляя его недостатки и упрекая за беспутное поведение. А Господь отдаст в жены лентяю вежливую и расторопную девушку, объясняя свое решение тем, что только такая жена уберезит мужчину от впадения в грех. В шпрухе «Корзина разносчика» торговка укоряет и избивает мужа, проигравшего все деньги, и героини шпруха поддерживают ее. В результате споры кончаются рукоприкладством, но и грубая сила – последний аргумент мужчин в поддержку своей позиции. Ганс Сакс не стремится доказать главенство мужа над женой, для него это не вызывает вопросов и является само собой разумеющимся. В шпрухе осуждается факт семейного разлада, который Сакс всегда осуждал, не разбирая, идет он от мужа или от жены, и призывал обе стороны к уступкам и обоюдному уважению. Семья, ее бюджет и благополучие воспринимаются как общее благо, муж и жена равно нуждаются друг в друге, поэтому важно взаимное согласие.

Героини Чосера очень похожи на горожанок, которых описывает Сакс. В «Общем прологе» перед нами предстают несколько женских образов. Из них нам интересны Батская Ткачиха и жены цеховых мастеров. Последние, как отмечалось, являются во многом похожими на героиню Ганса Сакса, но их социальные запросы выше. Жен цеховых старшин уже не устраивает просто экономический достаток, они жаждут повысить свой социальный статус, что не прослеживается ни в народных немецких шванках, ни в текстах Сакса.

Они не тщетно заседать в Гилдхолле
Надеялись – порукой был доход.

Заслуги, честность, возраст и почет.
И жены помогали в том мужьям,
Чтоб только величали их «мадам»,
Давали б в церкви место повидней
И разрешали б шлейф носить длинней

[4. С. 43].

Батская Ткачиха не принадлежит к цеховой вер-хушке, но и она имеет примерно те же отличия от немецких горожанок. Она не просто хозяйка дома или помощница, она ремесленница и трудом обеспечивает свое существование. Экономическая независимость (маркер развития нового уклада в гендерном обли-чи) порождает независимость гендерную – и это тка-чиха вертит своими мужьями, а не они руководят ее жизнью.

Что же Боккаччо? К женщинам он относится с бла-гоговением, в котором сохранилось немало черт сред-невековой куртуазности, да и «Декамерон» написан ради того, чтобы развлечь прелестных женщин. Но в новеллах мы не увидим женщину, озабоченную воспи-танием детей, ведением домашнего хозяйства или заня-тую иной работой. Более того, Боккаччо пишет, что «Декамерон» предназначен для женщин, изнемогаю-щих от любовных мук, в то время как других он отсы-лает к «веретену и мотовилу» [5. С. 8]. Однако это не означает, что женщины из богатых итальянских семей проводили свою жизнь в любовных интригах и полно-стью зависели от родственников мужского пола. Пам-пинья, советуя подругам вместе удалиться из Флорен-ции в загородные имения, говорит: «...а ведь у каждой из нас таких имений многое множество» [5. С. 21]. Женщины, потерявшие во время эпидемии почти всех родственников – их даже некому сопровождать в этом путешествии, – не растерялись, приняли разумное ре-шение и осуществили его без каких-либо проблем. Боккаччо не упоминает об этом, но акцентирует вни-мание на женской слабости и неразумности, правда, устами своих героинь: «Мы непостоянны, взбалмошны, подозрительны, малодушны, трусливы» [5. С. 22].

Конечно, Сакс и Чосер писали о горожанках, а Бок-каччо – о знатных дамах, которые проводили свои дни в праздности, и это может объяснять подобную разли-цу во взглядах на роль женщины. Но в шванке «Соба-чий хвост» Ганс Сакс изобразил застольный спор знат-ных дам и рыцарей. Одна из женщин на упреки в рас-точительности, суетливости и прочих недостатках пре-красного пола гневно отвечает: «Мы вам наследников рожаем, Вас вкусной пищей ублажаем, Мы зря не вы-кинем гроша...» [2. С. 174].

Таким образом, бюргерские добродетели в этом случае переносятся и на поведение аристократии. Ко-нечно, можно подумать, что Ганс Сакс лишь экстрапо-лирует ценности своего сословия на дворянство, но это не совсем так. В XVI в. уважение к рыцарству среди простонародья было подорвано, и майстерзангеру ни-чего не стоило выставить благородных дам легкомы-сленными транжирами, а в качестве добродетельных жен воспевать горожанок среднего достатка. Но он этого не делает: в его произведениях этими добродете-лями наделены женщины всех сословий.

Подводя итог вышесказанному, можно констатиро-вать, что хозяйственная деятельность и в Италии, и в Англии, и в Германии воспринималась как несомненно важная, однако отношение к ней было различным. В Англии ситуация складывалась таким образом, что позволяла индивидууму проявить больше своих воз-можностей и достичь большей самостоятельности, по-этому и торговля, и производство органично сочета-лись. В «Кентерберийских рассказах» мы найдем как героев, подобных персонажам из новелл Боккаччо (Мо-нах, Шкипер, Купец), так и простолюдинов, как у Ган-са Сакса. При этом следует заметить, что общий тон произведения Чосера больше соответствует «Декаме-рону», чем дидактике немецких шванков.

В Италии преимущество отдавалось торговле, кото-рая была связана с немалой долей риска, и финансовым операциям. В немецком же мировосприятии предпоч-тение отдавалось упорному труду. И если Боккаччо может небрежно поставить торговлю в ряд развлече-ний, то для немецкого бюргера экономической дея-тельностью подчинена вся жизнь. Даже женщину он воспринимает прежде всего как помощницу и хозяйку очага. Именно сверхфиксированность ценности труда и честной наживы в сознании трудового большинства германского общества привели в конечном счете к то-му, что даже в условиях стагнации, а затем и экономи-ческого упадка страны в конце XVI в. этот бюргерский дух, по меткому выражению В.М. Ракова, не выветрился, сохранился, «послужив историческим залогом бу-дущего, пока еще отдаленного, экономического роста Германии» [1. С. 60]. Возвращаясь к центральному во-просу данной статьи, можно подытожить, что специ-фика звучания гендерной темы в связи с трудовой дея-тельностью и темой наживы, как показывает проведен-ный анализ различных срезов национально-культур-ного сознания, позволяет очень четко вписать эти разли-чия в специфику Северного, а именно германского Возрождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раков В.М. «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999. 251 с.
2. Брант С. Корабль дураков // Сакс Г. Избранное. М. : Художественная литература, 1899. С. 50–69.
3. Бахорский Ганс-Юрген. Тема секса и пола в немецких шванках XVI века // Одиссей. Человек в истории. 1993. С. 69–86.
4. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М. : Правда, 1988. 560 с.
5. Боккаччо Дж. Декамерон. Фрунзе : Кыргызстан, 1986. 720 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 мая 2011 г.